

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-6-183-196

УДК 81.221

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МОЛЧАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ

Носова О.Е.

Цель представленной работы состоит в выявлении культурно обусловленных способов восприятия и передачи информации посредством молчания в процессе институционального общения.

Актуальность исследования продиктована потребностью дальнейшего изучения особенностей декодирования культурной информации, транслируемой невербальными средствами коммуникации.

Методами лингвистического анализа послужили прагматический, контекстуальный, дискурсивный анализ, а также лексико-семантический анализ.

Результаты работы заключаются в том, что в институциональном общении в типизированных ситуациях молчание, с одной стороны, соотносится с такими доминантами, как принципы вежливости и строгая регламентация общения. С другой стороны, в рамках конвенционального общения молчание выступает как амбивалентный знак, соотносимый с такой ценностной доминантой как дистанцированность, либо этот знак несет конфронтационный потенциал.

Область применения результатов. Результаты работы могут быть использованы в преподавании теории коммуникации, невербальной семиотики, курсов и факультативов по лингвокультурологии.

Ключевые слова: речеповеденческий/коммуникативный код; коммуникативный стереотип; паралингвизм молчание; институциональная коммуникация; ценностная доминанта.

LINGUOCULTURAL INTERPRETATION OF SILENCE IN ENGLISH INSTITUTIONAL COMMUNICATION

Nosova O.E.

The aim of the paper is to identify culturally conditioning ways of receiving and transmitting information through silence in the process of institutional communication.

The relevance of the research is raised by the necessity of further investigation of peculiarities of decoding cultural information transmitted by non-verbal means of communication.

The methods of linguistic analysis include the pragmatic, contextual, discursive analysis, as well as lexico-semantic one.

The research results are as follows: the linguocultural interpretation of the sign silence suggests that in typical institutional situations, on the one hand, silence correlates with such dominants as the principles of politeness and strict regulation of communication. On the other hand, in the framework of conventional communication silence acts as an ambivalent sign correlating with the evaluative dominant of distance, otherwise, silence bears a confrontational potential.

Practical implications. The results of the work can be used in teaching communication theory and special courses in linguoculture.

Keywords: communicative code; communicative stereotype; paralinguistic means silence; institutional communication; evaluative dominant.

За последнее время феномен *молчание* многократно подвергался всестороннему лингвистическому анализу с позиции междисциплинарного подхода. Значительный вклад в понимание сущности и особенностей функционирования молчания в коммуникации внесли исследования, проводимые в рамках семиотики (В.В. Богданов, Е.С. Никитина), коммуникативистики (О.С. Иссерс, А.А. Кибрик, С.В. Крестинский), прагматики (Н.Д. Арутюнова, С.В. Меликян), эмотиологии (Т.В. Ларина, U. Bonheim, Н.Д. Диллер), лингвокультурологии (В.Н. Телия), социолингвистики (Ю.Б. Кузьменкова, О.А. Леонтович и др.).

Для достижения целей данной работы, во-первых, необходимо определить место паралингвистической единицы молчания в структуре коммуникации. В данном исследовании молчание рассматривается как значимый компонент коммуникации, который используется не симптоматически, а полноценно замещает вербальные единицы в процессе общения. Изучаемый паралингвизм вербализуется посредством лексемы *silence* в английском языке (включая синонимический ряд: *quietness, stillness, muteness, reticence, taciturnity*).

Во-вторых, для определения культурологической маркированности молчания требуется отобрать необходимые лингвокультурологические категории. Понятием, которое прочно закрепилось в исследованиях по лингвокультурологии, позволяющим изучать «культуроносность» процесса общения, является речеповеденческий / коммуникативный код, «один из видов линго-культурного кода» (Иванова 2007, Телия 1998). По мнению В.Н. Телия, «лингвокультурология <...> исследует, прежде всего, живые коммуникативные процессы» [11, с. 218]. Коммуникативный код наследуется каждым последующим поколением внутри лингвокультурного сообщества и выступает в роли транслятора культурной информации. «Именно коммуникация является тем процессом, который превращает культуру в непрерывный процесс. Ибо как только культурные привычки, принципы, ценности, поведение и тому подобное “изобретены”, они передаются через коммуникацию каждому члену в рамках данной культуры» [15, с. 9]. Категории лингвокультурного и речеповеденческого кодов представляются наиболее значимыми для описания функционирования молчания на следующих основаниях. Прежде всего, необходимо подчеркнуть знаковую сущность феномена молчания. В многочисленных работах культурологов и лингвистов раскрыты его характеристики как знака с позиций культуры, языка, паралингвистики и коммуникации (В.В. Богданов, И.Н. Горелов, Г.Е. Крейдлин, Е.С. Никитина и др.). Являясь языковым знаком, молчание может быть представлено также как культурный знак, поскольку, как известно, язык является одной из форм воплощения культуры. Отнесенность же этого знака к рече-

поведенческому коду обусловлена его функционированием в процессе коммуникации. Молчание содержательно, оно выполняет свою коммуникативную функцию и, следовательно, может являться знаком речеповеденческого/коммуникативного кода. Соответственно, распознавание знаков данного кода позволяет определить культурно значимые черты коммуникативного поведения в изучаемой лингвокультуре.

Культурологические исследования, посвященные описанию принципов закрепления культурных доминант в коммуникативном поведении, опираются на такой инструмент, как стереотипизация. Существует множество подходов к определению коммуникативных стереотипов (В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова, Ю.Е. Прохоров). При социокультурном ракурсе исследования стереотипы определяются как коммуникативные/речеповеденческие. Их рассматривают как «устойчивые формы конвенционального коммуникативного поведения, зафиксированные в типичных коммуникативных ситуациях [3, с. 80]. С позиции лингвокультурологии на коммуникативные стереотипы смотрят не только в плане поведенческой линии говорящего, но и с учетом ценностных критериев. По справедливому замечанию Р.В. Бухаевой, «в структуре культуры коммуникативные стереотипы занимают особое положение. С одной стороны, стереотипы обусловлены ценностями как высшими ориентирами поведения, вытекают из них, а с другой – фиксируют нормы и правила как конкретные поведенческие реакции в виде нормативных постулатов, кодексов речевого поведения, в конечном счете эксплицируют систему ценностей культурного сообщества» [Там же, с. 80].

Соответственно, для лингвокультурологического ракурса исследования молчание представляет интерес как знак речеповеденческого кода, передающий информацию лингвокультурного плана, так и социально помечаемая единица коммуникации, обозначающая конвенциональные тенденции, характерные для стереотипных ситуаций. С этой точки зрения уместной для настоящего исследования представляется классификация коммуникативных стереотипов,

предложенная Р.В. Бухаевой. Автор классифицирует стереотипы «на ритуальные (совершаемые в типичных ситуационных контекстах по традиционной форме, немотивированные с точки зрения современного коллектива) и неритуальные, представляющие собой конвенциональные формы поведения, формирующиеся постоянно под влиянием социальной практики и предполагающие возможность варьирования и творческого выбора в репертуаре говорящих» [Там же, с. 77].

Описание коммуникативного поведения подразумевает использование широкого арсенала лингвокультурологических понятий, взаимосвязанных между собой. Взаимообусловленность лингвокультурологических детерминант отражена в следующем определении, предлагаемом С.В. Ивановой. «Анализ коммуникативного поведения может пролить свет на особенности менталитета и ценностные ориентиры, определяющие речеповеденческие нормы представителей различных лингвокультурных общностей» [4, с. 13]. Специалисты оперируют такими категориями, как «коммуникативная норма», «традиция», «доминанта», «ориентация», «ценность» и т.п. Рассмотрение этой сложной системы коррелирующих терминов относится, на наш взгляд, к работам более теоретического характера. В представленном исследовании остановимся на понятии «коммуникативная норма», поскольку оно напрямую связано с такими инструментами, как стереотипизация и речевой этикет. Термины «ценностная ориентация» и «ценностная доминанта» в данном исследовании употребляются взаимозаменяемо и соизмеряются в нашем понимании с понятиями более высокого порядка как базовые мерилы культуры. Рассмотрение коммуникативного поведения того или иного лингвокультурного сообщества по ценностным параметрам позволяет проникнуть к глубинным установкам, регулирующим процесс коммуникации. «Ценностные ориентации пронизывают ткань повседневной коммуникативной практики» [12, с. 268–269].

Таким образом, учитывая многогранную сущность молчания как паралингвистической единицы, воплощающей в языковом представлении информацию как поведенческого, так и ценностного

плана, считаем целесообразным при проведении контекстуального и прагматического анализа речевых ситуаций соотнести планируемые результаты с ценностными доминантами (на материале широко известных работ по лингвокультурологии, этнопсихолингвистике, социолингвистике), разделяемыми членами лингво-культурного сообщества.

Для анализа речевых контекстов, актуализирующих формы социального общения с позиций прагмалингвистики, в данной работе принимаются коммуникативные категории, разработанные В.И. Карасиком: «1) Участники общения (статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики), 2) условия общения, 3) организация общения (мотивы, цели и стратегии, развёртывание и членение, контроль общения и вариативность коммуникативных средств), 4) способы общения (канал и режим, тональность, стиль и жанр общения)» [5, с. 241].

В соответствии с вышеприведенной классификацией стереотипов на ритуальные и неритуальные/конвенциональные речевые контексты в данном исследовании делятся соответствующим образом на два класса. В первую очередь предлагается рассмотреть примеры, в которых молчание употребляется регламентировано в таких типичных ситуациях институционального общения как публичное выступление и выражение соболезнования.

E.g. Now, he decided, it was time the meeting began. O'Donnell rapped for silence, then waited until the talk stilled and those who had been standing had slipped into their seats. He began quietly. "Ladies and gentlemen, I think all of us are aware that epidemics in hospitals are not unique and, in fact, are a good deal more frequent than most members of the public realize. In a way, I suppose, one might say that epidemics are a hazard of our existence." <...> All eyes in the room were upon him. He paused for a moment, then continued [13, p. 144].

В приведенной ситуации представлено начало публичного выступления по поводу объявления эпидемии в больнице. Выступающий – главный врач больницы Кент О'Доннелл привычным жестом привлекает внимание аудитории (*rapped for silence*). Слушающие

замолкают (*the talk stilled*). Подобного рода молчание является нормативным и отображено в словарях: «*silence – a period of time when no one speaks / a moment of silence*» [17]. Все участники коммуникации ведут себя адекватно в силу выработанных стандартов в институциональном общении с учетом смены позиций говорящего и слушающего, более высокого социального статуса говорящего, а также правил вежливого речевого общения. Выполнение адресантом и адресатом предписанных норм способствует гладкому ходу общения (*He began quietly*). Сама тема выступления оказывает сильное эмоциональное воздействие на слушающих и экстериоризируется в ситуации невербальными средствами окулесики (*All eyes in the room were upon him*). И хотя эмоциональное состояние слушающих изменилось, никто из них не нарушает молчание, действующее в качестве коммуникативной нормы в данной ситуации. Таким образом, в представленной ситуации мы имеем дело с ритуализованным молчанием, которое обусловлено разными социальными характеристиками коммуникантов, принципами вежливости. Проанализированные нами культурологические исследования позволяют высказать предположение о том, что подобного рода молчание может основываться на такой доминанте как «жесткая регламентация общения» в терминах И.А. Стернина, М.А. Стерниной и Т.В. Лариной [10, с. 32].

Анализ языкового материала показывает, что при выражении соболезнования в условиях институциональной коммуникации молчание выступает как одно из оптимальных средств невербального коммуникативного поведения. В представленном разговоре двух врачей старый опытный доктор Пирсон понимает, что необходимо высказать соболезнование своему молодому коллеге Александру. Александр и его жена в этой больнице недавно потеряли новорожденного ребенка.

E.g. “*My wife can work, for one thing, Doctor. And then I thought I might get some lab work out of school hours; a lot of medical students do.*” Alexander paused, then, glancing at Coleman, he added, “*I don’t imagine it will be easy. But we think it will be worth it.*”

“I see.” Pearson had blown out smoke; now he put down his cigar. He seemed about to say something else, then hesitated. Finally he asked, “How is your wife?”

Quietly Alexander answered, “She’ll be all right. Thank you.”

For a moment there was silence. Then Pearson said slowly, “I wish there was something I could say to you.” He paused. “But I don’t suppose words would do very much good.”

Alexander met the old man’s eyes. “No, Dr. Pearson,” he said, “I don’t believe they would” [13, p. 311].

Ситуация выражения соболезнования предполагает четкое следование своей социальной роли для координации отношений между коммуникантами. Но доктор Пирсон долго колебался и обдумывал слова соболезнования (*He seemed about to say something else, then hesitated. For a moment there was silence*). Правила речевого этикета в англоязычной лингвокультуре предписывают использовать определенные речевые шаблоны. В этом случае адресант действовал бы формально, но правильно. В данной ситуации доктор Пирсон, испытывающий симпатию к молодому коллеге, хочет быть искренним. Адресант учитывает контекстные и личностные характеристики ситуации. Он верно распознает психоэмоциональную составляющую и предпочитает отказаться от формальных слов (*I wish there was something I could say to you*). Обоюдное владение правилами речеповеденческого кода позволяет собеседникам прийти к рациональному решению и согласию: слова не нужны (*But I don’t suppose words would do very much good – I don’t believe they would*). Взаимное молчание может характеризовать гармоничные отношения между участниками коммуникации и используется как наиболее уместное средство общения. Представляется, что молчание в подобной ситуации является актуализацией таких доминант как приверженность англичан в стремлении не быть назойливым, принципу невмешательства, немногословию и др. [10, с. 28–45].

В следующих ситуациях рассмотрению предлагается неритуализованное молчание, отличающееся от ритуализованного тем, что у коммуникантов появляется определенный выбор из репертуара при-

нятых конвенциональных форм общения. Анализируемая речевая ситуация относится к профессиональной коммуникации.

Пилот Вернон Димирест, находясь в кабине самолета со своим напарником и записывая отчет о ранениях пассажиров и экипажа после взрыва на борту, узнает от врача, что его любовница, старшая стюардесса авиакомпании Гвен Мейген, будучи беременной, тяжело пострадала. После нелегкого разговора с врачом в кабине остаются два пилота.

E.g. Briefly, between the two captains, there was a silence. Anson Harris broke it. "Vernon, I'd like to rest before I make the landing. Will you fly for a while?" Dernerest nodded, his hands and feet moving automatically to the controls. He was grateful for the absence of questioning or comment about Gwen. Whatever Harris was thinking or wondering, he had the decency to keep it to himself [14, p. 249].

Согласно нормам социально-приемлемого общения, принципам вежливости, принятым в англоязычной среде, второй пилот старается избежать неловкого молчания (*Anson Harris broke it (silence)*). «Тактика заполнения пауз предполагает умение использовать различные речевые средства в качестве «знаков внимания»» [7, с. 281]. На предложение Харриса заменить его за штурвалом Вернон утвердительно кивает и принимает с благодарностью (*grateful*). Правила вежливости, выступающие коммуникативными ориентирами в данном случае, позволяют обоим участникам коммуникации преодолеть напряженность ситуации и вернуться к рабочим обязанностям. Молчание со стороны Харриса (*absence of questioning*), следование правилам *privacy* (*Whatever Harris was thinking or wondering*) позволяет сохранить общение между говорящими в рамках приличия (*he had the decency to keep it to himself*). Одно из базовых правил *privacy* соотносится с умением англоязычных людей защищать собственные интересы, не допускать вмешательства других, не навязывать своего мнения собеседнику. Вслед за Ю.Б. Кузьменковой полагаем, что указанные характеристики соотносятся с понятием дистанцированности. «Дистанцированность основана на сильно развитом ощущении неприкосновенности частной собственности и необхо-

димости защиты независимости индивидуума как неперемного условия его развития и лежит в основе базовых ценностных ориентаций британцев и американцев – в отношении к пространству и времени, личности и власти [8, с. 6–15].

С другой стороны, необходимо отметить двусмысленность молчания. В условиях институциональной коммуникации молчание часто выступает маркером конфронтации. «Молчание в диалоге, в особенности в социальной коммуникации, имеет другое функциональное назначение и другую прагматику: оно нередко соответствует непроизнесенной речевой реакции или неисполненному жесту и обозначает не согласие, а уклонение от реплики, самоустранение или протест» [6, с. 27].

E.g. Since their argument of several days ago on the subject of laboratory checks the senior pathologist had made no reference to David Coleman's activities in the serology lab. Coleman had no idea what this silence implied – whether he had achieved his point and was to have direct charge of Serology, or if Pearson intended to return to the attack later [13, p. 126].

Споры, конкуренция, разногласия в профессиональной среде имеют большой перечень невербальных средств выражения конфликтных отношений между участниками коммуникации. Молчание в этом ряду занимает одну из лидирующих позиций, так как «на аксиологической шкале молчание оценивается менее строго, чем совершение явного негативного действия» [2].

В данном случае молчание старого доктора Пирсона имеет целью выразить негативное отношение к кандидатуре Коулмэна на должность заведующего лабораторией. Молчание выступает как целая конфронтационная линия коммуникативного поведения со стороны адресанта, направленная на дискредитацию оппонента. Словари регистрируют данную норму следующим образом: «*silent treatment – behaviour that involves not speaking to someone as a way of showing that you do not approve of them*» [17]. В результате это невербальное средство оказывает сильное психологическое воздействие на адресата, который, как следствие, находится в замешательстве (*had no idea what this silence implied*). По мнению, Н.Д. Арутюновой, «обезору-

живая оппонента, молчание само становится оружием» [1, с. 110]. Думается, что в условиях институционального общения с целью предотвращения открытого конфликта или проявления агрессии молчание, хотя и является нарушением социально-кодифицированного общения, может выступать средством сдерживания эмоций, и соответственно, выступать более приемлемой формой выражения негативного отношения к собеседнику. «Стереотипное представление о британцах включает такие черты, как сдержанность (считается, что они молчаливы и не склонны внешне проявлять свои чувства)» [9, с. 294]. Представляется, что молчание, направленное на соблюдение приличий в институциональном общении в соответствии с правилами вежливого общения, соотносится с реализацией такой ценностной доминантой, как эмоциональная сдержанность.

Таким образом, в рамках лингвокультурологического подхода молчание в социальном общении может быть рассмотрено как знак речеповеденческого кода. Культурологическая информация закреплена в этом знаке посредством ритуализованных и неритуализованных стереотипов, что обуславливает двусмысленность данного знака. С одной стороны, ритуализованное молчание на публичном выступлении и при выражении соболезнования базируется на таких коммуникативных ориентациях как твердая регламентация общения и правила вежливости. С другой стороны, лингвокультурологическая маркированность молчания обусловлена неритуализованными стереотипами, принятыми в социальном общении. Молчание в этом случае выступает как конвенциональная форма коммуникативного поведения, связанная с такими ценностными доминантами как дистанцированность и эмоциональная сдержанность.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. 188 с.
2. Арутюнова Н.Д. Феномен молчания // Логический анализ языка: Язык пространств /Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левотина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 417–436.

3. Бухаева Р.В. Этнокультурные стереотипы речевого общения (на материале бурятского языка): Дис. ... д-ра филол. наук: Улан-Уде, 2015. 404 с.
4. Иванова С.В. Лингвокультурология: изучая лингвокультурный универсум // Russian journal of linguistics. 2016. Т. 2. С. 9–16.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
6. Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с.
7. Кузьменкова Ю.Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 316 с.
8. Кузьменкова Ю.Б. Материалы курса «Стратегии речевого поведения в англоязычной среде». Лекции 1-4. М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2006. 48 с.
9. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М./СПб.: ГЛОССА/КАРО, 2006. 336 с.
10. Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2003. 184 с.
11. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 288 с.
12. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: «Наука», 2000. 379 с.
13. Hailey A. The Final Diagnosis = [Окончательный диагноз / А. Хейли]. М.: Айрис-пресс, 2006. 352 с.
14. Hailey A. Airport = [Аэропорт/А. Хейли] М.: Айрис-пресс, 2007. 316 с.
15. Intercultural Communication: a Reader / eds. R.E. Porte, L.A. Samovar. Illinois, 1999. 532 p.
16. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education Limited, 2007. 1950 p.
17. MED – Macmillan English Dictionary for advanced learners. International student edition. Oxford: Macmillan Publishers Ltd, 2002. 1692 p.

References

1. Arutyunova N.D. Molchanie: konteksty upotrebleniya [Silence: usage contexts]. *Logicheskij analiz yazyka. Yazyk rechevykh deystviy* [Logical Analysis of Language. Language of speech actions]. Moscow: Nauka, 1994. 188 p.
2. Arutjunova N.D. Fenomen molchanija [Silence phenomenon]. *Logicheskij analiz jazyka: Jazyk prostranstv* [Logical analysis of language: Language of spaces]. Moscow: Yazyki russkoj kultury, 2000. P. 417–436.
3. Buhaeva R.V. *Jetnokul'turnye stereotypy rechevogo obshhenija (na materiale burjatskogo jazyka)* [Ethno-cultural stereotypes of speech communication (in Buryat language material)]: Dis. ... d-ra filol. nauk: Ulan-Ude, 2015. 404 p.
4. Ivanova S.V. Lingvokul'turologija: izuchaja lingvokul'turnyj universum [Linguoculture: studying the language and culture universe]. *Russian journal of linguistics*. 2016. V. 2. P. 9-16.
5. Karasik V.I. *Jazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow: Gnozis, 2004. 390 p.
6. Krejdlin G.E. *Muzhchiny i zhenshiny v neverbal'noj kommunikacii* [Men and women in non-verbal communication]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. 224 p.
7. Kuzmenkova J.B. *Ot traditsij kul'tury k normam rechevogo povedeniya britantsev, amerikantsev i rossiyan* [From cultural traditions to standards of speech conduct of British, American and Russian people]. Moscow: GU VShE, 2005. 316 p.
8. Kuz'menkova Ju.B. *Materialy kursa «Strategii rechevogo povedeniya v anglojazyčnoj srede». Lekcii 1-4* [Course papers “Speech behavior strategies in English environment”. Lectures 1-4]. Moscow: Pedagogičeskij universitet «Pervoe sentjabrja», 2006. 48 p.
9. Oshchepkova V.V. *Jazyk i kul'tura Velikobritanii, SShA, Kanady, Avstralii, Novoj Zelandii* [Language and culture of Great Britain, USA, Canada, Australia, New Zealand]. Moscow/St. Petersburg: GLOSSA/KARO, 2006. 336 p.
10. Sternin I.A., Larina T.V., Sternina M.A. *Očerok anglijskogo komunikativnogo povedeniya* [Essay on English communicative behavior]. Voronezh: Izd-vo «Istoki», 2003. 184 p.

11. Telia V.N. *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola «Jazyki russoj kul'tury», 1998. 288 p.
12. Khabermas Yu. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral consciousness and communicative action]. St. Petersburg: «Nauka», 2000. 379 p.
13. Hailey A. *Okonchatel'nyj diaгноз* [The Final Diagnosis]. Moscow: Ayris-press, 2006. 352 p.
14. Hailey A. *Aeroport* [Airport]. Moscow: Ayris-press, 2007. 316 p.
15. Intercultural Communication: a Reader / eds. R.E. Porte, L.A. Samovar. Illinois, 1999. 532 p.
16. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education Limited, 2007. 1950 p.
17. MED – Macmillan English Dictionary for advanced learners. International student edition. Oxford: Macmillan Publishers Ltd, 2002. 1692 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Носова Оксана Евгеньевна, доцент кафедры иностранных языков,
кандидат филологических наук, доцент
Уфимский государственный нефтяной технический университет
ул. Космонавтов, 1, г. Уфа, Республика Башкортостан,
450000, Российская Федерация
Nosova.oxana10@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nosova Oxana Evgenyevna, Candidate of Philological Sciences, As-
sociate Professor
Ufa State Petroleum Technological University
1, Kosmonavtov Str., Ufa, 450000, Russian Federation
Nosova.oxana10@yandex.ru